

DOI: <https://DOI.ORG/10.25146/2587-7844-2021-16-4-90>

УДК 81'44

ОБЗОР НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ИЗДАНИЙ ДЛЯ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

А.Д. Васильев (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Важнейшее место в школьной программе должно принадлежать преподаванию русского языка. Это объясняется и его конституционно закрепленным статусом, и культурно-исторической ролью, и функцией средства межнационального общения, и тем, что русский язык является родным для большинства населения РФ. Учет объективных реалий ориентирует на подготовку квалифицированных учителей-предметников (а не почти беспомощных в лингводидактическом отношении выпускников, избыточно нагруженных информацией психолого-педагогического цикла).

Несомненно, что при обучении в вузе будущих русистов-словесников используются прежде всего официально утвержденные учебники и учебные пособия, иногда дополняемые также результатами собственных изысканий преподавателей. Однако по мере накопления педагогического багажа становится понятным: ограничиваться лишь кругом хорошо апробированной специальной литературы явно недостаточно, поскольку и в жизни общества, и в живом речевом обороте постоянно происходят изменения и возникают все новые феномены. Не будучи отмеченными ранее, они нередко упускаются из поля зрения некоторыми преподавателями, но могут быть хорошо известными студентам. Такой дисбаланс недопустим.

Цель статьи – анализ текстов научно-популярных источников в отношении возможностей использования изданий указанного жанра в практике преподавания лингвистических дисциплин.

Результаты анализа. Значительным подспорьем в практике преподавания способны стать научно-популярные издания, и в первую очередь те, которые написаны подлинно выдающимися исследователями. В данной статье рассматривается ряд научно-популярных книг, посвященных русскому языку. При оценке их достоинств либо недостатков (то есть степени полезности применения в учебном процессе) автор исходит из своего научно-педагогического опыта.

Заключение. Высокоинформативный материал по ряду неизменно актуальных лингвистических направлений: этимология, этнонимия, ономастика, историческая лексикология, языковая политика, – содержат научно-популярные труды О.Н. Трубачёва, В.В. Колесова, Б.Ю. Нормана, Ю.М. Полякова и других авторов.

Ключевые слова: русский язык, преподавание, воспитание, учебная литература, совершенствование подготовки учителей, научно-популярные издания.

Постановка проблемы. Исторически недавно образование (притом бесплатное) на разных его ступенях рассматривалось государством не как «услуга», но как одна из важнейших областей деятельности. Конечно, можно сказать, вторя некоторым малообъективным ангажированным авторам, что в советское время оно было идеологизированным. Однако, во-первых, такой воспитательный компонент был вполне оправданным, ибо из подрастающего поколения

готовили активных и сознательных граждан социалистического общества; во-вторых, привитие коллективизма вовсе не исключало усвоения научных знаний; в-третьих, современный четвертьвековой опыт свидетельствует, что пресловутая «деидеологизация», подававшаяся наивной аудитории как панацея, в действительности обернулась «соросовизированной» пропагандой чужекультурных ценностей, примитивизацией учебного процесса, падением уровня подготовки учащихся и многими другими разрушительными для страны последствиями.

Особое место в российской школьной программе должно принадлежать русскому языку, который в РФ является и конституционно государственным, и высокоэффективным средством межнационального общения, и родным для большинства населения страны, обеспечивающим с его помощью остро необходимое во всех аспектах поддержание своей исконной ментальности (официально формулируемой как «идентичность», которая к тому же выдается за фантастическую «российскую»)¹.

Естественно, что для полноценного преподавания русского языка необходимы хорошо подготовленные учителя-предметники, обладающие должным запасом специальных знаний и умеющие грамотно применять их на практике. Последнее обстоятельство вовсе не делает насущно необходимым недальновидное вытеснение с филологических факультетов лингвистических дисциплин за счет массивного насаждения избыточных курсов психолого-педагогического цикла, что ведет к формированию универсальных дилетантов-недоучек (приблизительно то же самое в оптимизированной медицине – заведомо опасные для пациентов «врачи общей практики»).

Следует заметить: в своем выступлении на заседании Совета по русскому языку 5 ноября 2019 г. В.В. Путин говорил как о требующем особого внимания «повышении качества подготовки п р о ф и л ь н ы х педагогов образовательных организаций всех уровней» [Заседание Совета по русскому языку]. По-видимому, это пожелание отразилось в формулировке одного из поручений президента правительству РФ от 01.03.20: «рассмотреть <...> вопрос об организации подготовки педагогических кадров по всем уровням высшего образования» [Перечень поручений...]; небезынтересна в этом тезисе, кроме заведомой диффузности задачи («рассмотреть вопрос»), подмена предполагаемых адресантов – вместо «образовательных организаций всех уровней» фигурируют «все уровни высшего образования».

Для повышения и разнообразия качества дидактического материала весьма полезно введение в его массив помимо сведений, содержащихся в рекомендуемых учебниках, монографиях и иных научных публикациях, также информации из научно-популярных изданий. Это хорошо известно многим опытным и высококвалифицированным преподавателям (впрочем, эти два признака не всегда совпадают). Некоторые научно-популярные книги по русистике рассматриваются в данной статье.

¹ Пресс-конференция В.В. Путина. 17.12.20.

Цель статьи – анализ текстов научно-популярных источников в отношении возможностей использования изданий указанного жанра в практике преподавания лингвистических дисциплин на основании научно-педагогического опыта автора настоящей публикации.

Прежде чем перейти собственно к анализу текстов научно-популярных книг (либо таких, которые могут привлекаться в подобном качестве), целесообразно сделать некоторые предварительные замечания пояснительного характера.

В ходе преподавания специальных лингвистических дисциплин в качестве дополнительного препятствия приходится учитывать и преодолевать отношение многих учащихся к русскому языку как ущербному и третьесортному. Этот печальный для России стереотип сложился в последние 25–30 лет целенаправленными усилиями российских же средств массовой информации (см. об этом, например: [Васильев, 2000, с. 77–82; 2003, с. 109–114; 2013а, б, с. 39; 2017, с. 38–48; и др.]). Парадоксально, но и государственные (в том числе) телеканалы культивируют у граждан неприязнь к государственному, а для многих – и родному языку.

Обзор научной литературы. Конечно, к лингвистике непосредственно не относятся дифирамбические либо пейоративные характеристики тех или иных национальных языков, порождаемые в каждом конкретном случае определенными причинами (например, сатирой на шовинизм² или попыткой «объяснить» высоко-родному адресату значимость грандиозного научного труда³). В сугубо научном аспекте невысока ценность известных эмоциональных оценок, вроде: «...Люблю свой русской природной язык»⁴ – хотя справедливо мнение выдающегося ученого и педагога: «Слушатели педтехникумов будут прежде всего учителями русского языка, а потому должны любить и хорошо знать его»⁵, с примечанием: «Пусть читатель не смущается этим сантиментальным словом: заниматься с успехом все же можно только тем, что любишь»⁶. Вообще же любые попытки поисков сравнительных достоинств или недостатков национальных языков могут – в лучшем случае – дать некоторое представление о своеобразии каждого из них, но не повод для «сантиментов», то есть восторга и благоговения, либо, напротив, для презрения и унижения (см. подробнее [Васильев, 2017, с. 37–48]).

С другой стороны, статус национального языка – в том числе и в глазах членов соответствующего этносоциума – должен быть несомненно высоким в иерархии его основных ценностей. Ср.: «Язык – не только орудие познавательной и мыслительной силы человека, но самая эта сила...»⁷ – и: «Язык – единственная сила, которая

² Свифт Дж. Путешествия в некоторые отдаленные страны света Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей. М., 1989. С. 54.

³ Ломоносов М.В. Российская грамматика (фрагмент) // Ломоносов М.В. Избранная проза. М., 1980. С. 392–393.

⁴ Аввакум. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие сочинения. Иркутск, 1978, с. 78.

⁵ Щерба Л.В. Безграмотность и ее причины // Избранные труды по русскому языку. М., 1957. С. 61.

⁶ Там же.

⁷ Срезневский И.И. Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте // Срезневский И.И. Русское слово. М., 1986. С. 140.

еще осталась у нас как возможность развития культуры» [Колесов, 1999, с. 226]. Необходимо ясное и точное понимание этих постулатов, причем, конечно, не только преподавателями и учащимися: пренебрежение собственным языком ведет к самоуничтожению и обессиливанию этноса, а потеря им чувства собственного достоинства – к моральному поражению, обычно предшествующему падению страны.

Вдумчивые и добросовестные русисты неоднократно обращались к этой проблематике. Например, Н.К. Фролов считал русский язык «духовным коммуникативным орудием русской нации» [Фролов, 2005, с. 480], а по мнению А.С. Герда, «язык снова выступает как знак, как символ и как знамя борьбы за спасение своего народа, своей культуры» [Герд, 2009, с. 2]. Следует сказать, что, по крайней мере, в оценочной тональности, избираемой тем или иным автором в отношении русского языка, нередко проявляются отнюдь не лингвистические симпатии или антипатии. Не повторяя сказанного выше, строго научно надо воспринимать любой национальный язык как некую (притом, конечно, чрезвычайно важную) данность: он объективно «существует – и ни в зуб ногой»⁸. Однако диапазон индивидуального (а зачастую и группового) оценивания, например русского языка, довольно широк, что определяется разными исходными позициями его наблюдателей (вместе с тем подчас и носителей).

Довольно просто объясняются оценки, даваемые иноземцами: для них, как просвещенных европейцев, это варварский язык страны временного пребывания («Смеясь, он дерзко презирал Земли чужой язык и нравы»⁹). Даже укоренившись в ней, они могут в сути своей и не меняться, ибо «для них все равно: бегать ли им под орлом французским или русским языком позорить все русское – были бы только сыты»¹⁰. Несколько сложнее комплекс причин, определяющих настроения других речедееателей. Например, это те, кого еще в 1995 г. называли – как и благоволящих иноземцам в Древней Руси – «гостомыслами» (они «мыслили гостям»): «Люди, определяющие сегодня судьбу страны, не только зачастую „мыслят гостям”, но и мыслят как гости» [Поляков, 2005, с. 152]. Понятно, что подобные им занимают свои насиженные ниши со смутных ельцинских времен не только в коридорах власти, но и в СМИ, и в научных школах, где явно обнаруживаются «национальные предпочтения» [Колесов, 1999, с. 111]. При этом т.н. «русскоговорящие» «и любят Россию»¹¹, и зарабатывают здесь, но сердце и все приоритеты в другом месте» [Есин, 2002, с. 152]; сюда могут примешиваться и национально-ментальные черты¹². На них почти неизбежно накладывается отпечаток первоначального базового образования; немало сегодняшних, да и уже ушедших

⁸ Маяковский В.В. Юбилейное // Маяковский В.В. Избранное. М., 1979. С. 350.

⁹ Лермонтов М.Ю. Смерть Поэта // Лермонтов М.Ю. Соч.: в 2 т. М., 1970. Т. 1. С. 297–299.

Пушкин А.С. Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л., 1978. Т. 7. С. 171.

¹¹ Возможно, «странною любовью» – впрочем, своеобразие чувств поэта, по-видимому, имело совсем особые корни.

¹² «Библейцы <...> как бы боятся показать свою житейскую технологию, обнажить свою душу. А может быть, и сами понимают свой душевный изъян».

русистов (точнее – русисток) в юности прилежно изучали вовсе не русский, а иностранные языки. В овладении ими, конечно же, можно усмотреть значительную пользу для индивидуума, но их влияние на сознание речедеятеля может привести и к вряд ли желательным последствиям. Стоит учитывать, что на факультетах и в институтах иностранных языков учились в основном дочери компартийно-советско-хозяйственной номенклатуры, а для большинства их советских современниц иняз был «факультетом ненужных вещей». Помнится некая высокомерная отстраненность, с которой держались тогда обладательницы сакральных знаний. Неудивительно, что, защитив диссертации по русистике (или как-то связанные с ней тематически), новоиспеченные специалистки придерживаются тех же ценностных ориентиров, как и их зарубежные коллеги, «все земное мышление сводя <...> к категориям и формам английского языка» [Колесов, 2004, с. 15].

Результаты анализа. Прежде всего, следует назвать ряд исследований академика О.Н. Трубачёва. Собственно говоря, его научные труды в основном и были посвящены проблемам формирования и эволюций древнейшего общеславянского лексического фонда, самым естественным образом переплетавшимся с проблемами сложения и развития культур славянских народов, в частности русского. Что же касается научно-популярных публикаций подобной тематики, то импульсом к их появлению (сначала – в газетно-журнальной периодике) оказалась мутная русофобская волна, ставшая важнейшим компонентом перестроечно-реформаторской пропаганды, которая захлестнула немалую часть социума. О.Н. Трубачёв как ученый и патриот аргументированно отстаивал отечественные духовные ценности, используя убедительные и объективные историко-лингвистические данные. Академик справедливо полагал: «Было бы обидно, если бы книги писались специалистами для специалистов, то есть для самих себя...» [Трубачёв, 2004, с. 84]. Те изыскания, что сам он снисходительно называл «лингвистическими досугами» [Трубачёв, 2004, с. 201], вышли в свет будучи собранными под обложкой книги, затем переизданной с дополнениями [Трубачёв, 1992; 1997]). После безвременной кончины О.Н. Трубачёва сборники тематически связанных статей были вновь выпущены в расширенном составе заботами Г.А. Богатовой, разделявшей его научные и гражданские позиции [Трубачёв, 2004; 2005]. Горячо выступая против «игр в слова, замешенных на дурной политике» [Трубачёв, 2004, с. 72], выдающийся исследователь обоснованно утверждал: «...Ни одна подлинно великая страна не кончается там, где кончается ее территория <...>. Значительно дольше простирается влияние культуры великой страны, и это влияние идет практически всегда через ее язык <...>» [Трубачёв, 2004, с. 7].

Еще большей активностью характеризуется творчество в научно-популярной сфере выдающегося русиста В.В. Колесова. Конечно, применительно к его трудам в определении «научно-популярный» акцент следует делать именно на первой части этой дефиниции. Ведь именно на солидном лингвистическом фундаменте, сложившемся во многом из результатов собственных изысканий, строятся

наблюдения и выводы, интереснейшие действительно для широкого круга читателей, а для специалистов постоянно служащие источниками новых идей и разработок эмпирического материала. Популяризаторским книгам В.В. Колесова присущи строгая логичность и обилие ярких примеров, иллюстрирующих историческую непрерывность эволюций русского языка от глубокой древности до наших дней. Столь же неотъемлемой чертой является постоянное внимание к непреложным лингвистическим постулатам о социальной природе языка и его постоянной взаимосвязи с мышлением. Сказанное относится к публикациям на самые разные темы: об истории русского языка [Колесов, 1988; 2007], об актуальных проблемах культуры речи [Колесов, 1988] и их общественной значимости [Колесов, 1998], о непреходящей ценности действительных научных достижений и кардинальных задачах лингвистики [Колесов, 1999] и многом другом, столь же насущном. Совершенно справедливо, в частности, что «язык – не только средство коммуникации, язык – основание мысли» [Колесов, 1999, с. 144].

Особое место принадлежит книге, посвященной исследованию отечественной ментальности в категориях русского языка, ибо «и язык, и ментальность пропитаны <той> неуловимо таинственной силой духовной и умственной жизни человека» [Колесов, 2004, с. 7]. Ментальность же – «миросозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [Колесов, 2004, с. 15].

Книга Б.Ю. Нормана «Язык: знакомый незнакомец» [Норман, 1987] относительно невелика по объему, однако текст ее весьма насыщен интересными лингвистическими сведениями, поданными преимущественно в форме, довольно доступной для восприятия неспециалистами, к тому же снабженными иллюстративными примерами. Ведь, «изучая язык, филолог имеет дело с речью: другого объекта наблюдения ему не дано» [Норман, 1987, с. 34]. Конечно, здесь проявляется значительный преподавательский опыт автора, среди задач которого – освещение аспектов языка, редко попадающих в поле внимания популяризаторов, однако позволяющее яснее увидеть его устройство [Там же, с. 3]. При этом Б.Ю. Норман нередко полемизирует с известнейшими авторитетами, поощряя тем самым потенциального читателя к самостоятельному критичному мышлению [Там же, с. 5–23 и др.]. Одно из принципиально важных лингводидактических положений: для филолога недостаточно регистрировать ошибку в речи, но ее надо еще объяснить, рассматривая такой факт (и, конечно, подобные ему) как объект исследования [Там же, с. 60–70]. В книге приводится немало и других лингвистически фундаментальных установок: о роли языка в мышлении и сложении образа мира [Там же, с. 30–31], безусловно универсальном характере языка [Там же, с. 106 и др.], о социальной стратификации речи [Там же, с. 112–114 и др.] и значимости фатической функции [Там же, с. 124–126] и мн. др. Почти самостоятельную ценность имеет «Этимологический словарь» [Там же, с. 207–221] – не только как одно из воплощений игр со словами, но и как демонстрация широчайших

возможностей русского словообразования, допускающего реализацию потенциальных слов, и как свидетельство связи лексики с внеязыковой действительностью¹³. Отчасти это еще и пародия на квазиэтимологические экскурсы.

Вместе с тем некоторые формулировки Б.Ю. Нормана представляются несколько спорными. Например, о том, что «история может быть обращена в перспективу» [Норман, 1987, с. 10] (см. [Васильев, 2017, с. 108–120]), или о возможности абсолютно точного двуязычного перевода [Норман, 1987, с. 102–104] (см. также [Васильев, 2020, с. 117–121]), или об интерпретации известных пушкинских строк [Норман, 1987, с. 72] (см. [Васильев, 2013б, с. 175–184]) и др. Впрочем, и сам автор предувещивал аудиторию (чрезвычайно многочисленную, судя по тиражу издания, 43 тыс. экземпляров! Трудно представить себе аналогичный размах для научно-популярной книги в послесоветские времена) о спорности некоторых его идей.

Ю.М. Поляков хорошо известен не только как разнообразно талантливый писатель – прозаик и драматург, один из немногих, кого в современной отечественной литературе можно обоснованно считать Мастером. Благодарного внимания читателей заслуживают и его острые и аргументированные публицистические выступления, в которых (в несколько иной форме, нежели в беллетристике) высказываются те же справедливые суждения относительно глубоко взаимосвязанных феноменов: литературы, культуры, общественной жизни, государственной политики и проч.

В новой книге Ю.М. Полякова, где собраны его статьи и эссе разных лет [Поляков, 2019], автор, среди других актуальных проблем, обращается, в частности, и к вопросам, входящим в компетенцию языкознания, но, как и многие подобные, не являющиеся узколингвистическими.

Например, такова проблема автоэтнонима, который в РФ настойчиво вытесняют этатонимом (см. об этом также [Васильев, 2013а, с. 359–446; 2019, с. 218–295; Васильев, Васильева, 2020]). Конечно же, «русский тот, кто считает себя русским, не россиянином, а именно русским» [Поляков, 2019, с. 21], и в сегодняшней ситуации – с учетом печального украинского опыта – «если ты боишься или стесняешься вслух назвать себя русским, ты почти уже перестал быть им» [Там же, с. 70], то есть, по существу, утратил право принадлежать к государствообразующему народу [Там же, с. 25], который, в свою очередь, теряет этот исторический статус, а Россия автоматически исчезает. На достижение того же результата нацелены и операции, будто бы способные материализовать фантомного гомункула – *российский народ* [Поляков, 2019, с. 111, 488] – ср.: [Васильев, 2013а, с. 356–358; 2019, с. 214–217].

¹³ Любопытно отметить, что, несмотря на обнародованную недавно информацию о будто бы увеличивающемся в России числе женщин, профессионально занятых вождением железнодорожных поездов, соответствующего феминитивного существительного, кажется, пока не возникло – ср.: «Слово машинист не имеет женской „пары” в силу половой ограниченности данной профессии» [Норман, 1987, с. 204].

Ю.М. Поляков уделяет значительное внимание вопросам микротопонимии, делая это на многих московских примерах [Поляков, 2019, с. 238–254], лишь концентрированно воплощающих обстановку, общую для страны в целом (см. [Васильев, 2020, с. 167–173]), в которой доминирует «историко-топонимический абсурд» [Поляков, с. 252], исключающий этническую самоидентификацию русских.

Кроме того, абсолютно верны оценки уровня владения русским языком труженников СМИ [Поляков, 2019, с. 125]¹⁴, чему никак не могут помочь «тотальные диктанты» (с. 132), названные вполне по-геббельсовски (ср.: *das Total Krieg*) (см. об этом также [Васильев, 2000, с. 6–14; 2003, с. 27–33; 2017, с. 47–48]). Однако представляется, что косноязычие и скудоумие, например, штатных телеречедеевателей, которым «мускулы, ворочающие языком, давно и окончательно заменили мозги» [Поляков, 2019, с. 25], вовсе не обязательное следствие кадрового голода в соответствующих компаниях. Судя по титрам, за выход передачи в эфир отвечают также ее редакторы – значит, они в культурно-речевом и интеллектуальном отношении равновелики дикторам и ведущим. Но и редакторы подвластны режиссерам и продюсерам, которые, в свою очередь, наверняка подчинены не только собственным этическим и эстетическим ориентирам. Получается, что преимущественно уродливый и лживый телевизионный дискурс – продукт неких групповых интересов, обслуживаемых для обеспечения незыблемости сегодняшнего положения вещей.

Кажется, должно бы заслуживать внимания властей предложение «создать полномочный экспертный центр, где профессионалы: лингвисты, историки, писатели, журналисты, правоведа давали бы заключение: стоит ли то или иное словесное новшество допускать в нашу языковую Вселенную, подбирали бы неологизмы на основе русских корнесловий. <...> Тогда к нам проникала бы лишь та иноязычная лексика, которая языку необходима» [Поляков, 2019, с. 126].

Кроме того, нельзя утверждать безоговорочно, что все «мы еще не понимаем опасность агрессивного „чужесловия“» [Там же]: некоторые лингвисты понимают это очень хорошо и пытаются объяснить другим носителям русского языка реальную угрозу трансформации их национальной ментальности, имеющую для страны разрушительные последствия. Но результативность усилий этих специалистов ничтожно мала по сравнению с речевым потоком СМИ.

Впрочем, и сам писатель, возможно, понимает тщетность обращений к властным «гражданам мира», для которых Россия – всего лишь «вахтовый поселок» [Там же, с. 12], а наиболее близкая идеология – социал-дарвинизм [Прилепин, 2009, с. 37]. Ведь несколько лет назад Ю.М. Поляков четко сформулировал: «Государству вообще ближе заботы миллиардеров из *Forbes*, нежели беды детей и стариков, качество жизни которых и определяет эффективность власти» [Поляков, 2010, с. 2].

¹⁴ Здесь не идет речь о качестве артикуляции. По этому поводу недавно довольно интригующе высказался профессор СПбГУ С.Н. Ильченко, заметив, что не каждый «произносит все 33 буквы русского алфавита» (Отражение. ОТР. 01.10.20). Интересно услышать произнесение этим ученым букв Ъ и Ь. Следует напомнить ему как доктору филологических наук: о функциональном различии звуков и букв говорят уже в начальной школе.

Можно заметить, что суждения неспециалистов о каких-то речевых процессах и их отдельных результатах не всегда сводятся к сугубо эмоциональным оценкам фактов, основанным на субъективно-вкусовых предпочтениях либо отторжениях. Хотя действительно важно, как нелингвисты, то есть люди, составляющие абсолютное большинство носителей языка, относятся к некоторым явлениям современной русской речи и из чего при этом исходят в своих суждениях, но наибольший интерес в таком аспекте представляют попытки систематизации повседневных наблюдений.

К удачным попыткам подобного рода несомненно принадлежит книга [Ильс, Янченко, 2007]. Авторы уже во вступлении предупреждают читателя, что их «наблюдения сделаны не с каких-то научных высот, а <...> с позиций простого человека – просто потребителя, носителя, пользователя» языка и «приглашают удивиться вместе с ними» [Ильс, Янченко, 2007, с. 5] некоторым феноменам сегодняшнего русского словоупотребления. Вроде бы разнородные и разрозненные, в действительности они подчиняются общим векторам.

К. Ильс и Е. Янченко, открыто заявляя субъективность своих оценок, в то же время исходят из объективных посылок. Это понимание неразрывного единства Слова и Дела [Ильс, Янченко, 2007, с. 19] и манипулятивной функции языка [Там же, с. 26 и др.]; необходимость учета этических категорий, причем с коррекцией на диффузность рубрик современной российской аксиологической шкалы. А она диффузна в том числе и с помощью вербально-пропагандистских операций как составной части информационно-психологической войны – достаточно вспомнить о насаждавшемся плюрализме, дезориентировавшем сознание социума. В результате «особая напасть объявилась – добрые слова и дела от дурных отличать не хотят! И всех к этому приучают. Дескать, никому не известно, что хорошо, что плохо. И не надо в этом разбираться, берите, что дают... За дурным словом и дурное дело пришло» [Там же, с. 20]. Справедливо замечено: «Многие абсурдные вещи появились от того, что мы пренебрегаем важными мелочами в нашей речи» [Там же, с. 98]. Авторы приводят немало иллюстраций неряшливого или, напротив, продуманно неверного использования слов, вследствие чего становятся – и стали – возможными алогизмы и подмены понятий, совершенно обоснованно возлагая ответственность за их тиражирование на российские средства массовой информации. Они, «уверенные в своей правоте, <...> уже долгое время учат нас всех говорить и думать так же. Плохо уже то, что неправду говорят. Это вранье <...>, так сказать, „системное“, то есть возникает оно само собой, вполне закономерно <...> из того уродливого „языка“, на котором тут излагают» [Там же, с. 141].

Значительное место в книге оправданно занимает анализ американско-английского языкового влияния, когда усиленно пропагандируется предпочтение чужого – своему, то есть, по существу, проводится инокультурная экспансия [Там же, с. 85, 190–193].

Заметное внимание авторы справедливо уделяют характеристике некоторых лексем, которые принадлежат к числу ключевых для российского официозно-

публичного дискурса. Среди них такие, как *национальный* и *проект*. По поводу первого (собственно, это семантическая калька с амер.-англ. *national* – см. об этом [Васильев, 2013а, с. 344]) верно замечено, что специфика его употребления логично вызывает вопрос: «А какая же у нас национальность?» [Ильс, Янченко, 2007, с. 198]. Подробный же анализ использования слова *проект* позволяет прийти к выводу: оно крайне необходимо в целях создания взаимозамены и подмены понятий «замысел» – «деятельность, осуществляющая этот замысел» – «результат деятельности»: «Идея здесь, возможно, в том, чтобы стереть грань между трудом и... его отсутствием. Стереть грань между полезной деятельностью и подделкой под нее. Надо бы все-таки попытаться узнать, что напроекировали» [Там же, с. 85, 207–208]. Действительно, «пустословие всем уже давно надоело» [Там же, с. 184]: ведь, например, в последние десятилетия провозглашалось немало реформ в масштабах государства, но о благополучном (то есть полезном для большинства населения, несущего податное бремя при не самых высоких доходах) результате той или иной реформы по каким-то весомым причинам не общается, то есть они имеют перманентный характер¹⁵.

Одно из главных достоинств книги – искренний патриотизм, а не его декларативные имитации. Именно поэтому авторы обоснованно задаются актуальнейшим вопросом: «На кого нас переучивают?» [Ильс, Янченко, 2007, с. 184].

Заключение. Подведем некоторые итоги. Приступая к обзору ряда научно-популярных книг, можно было бы классифицировать их определенным образом, группируя, например, по признаку адресации к четко ограниченному сегменту читательской аудитории, или по преимущественно охватываемой проблематике, или по насыщенности конкретным иллюстративным материалом, или, наконец, по степени профессионализма авторов. Оказалось, однако, что четкое следование подобным критериям вряд ли вполне рационально: перечисленные признаки проявляются неравномерно, к тому же вступая друг с другом в сложные отношения взаимных дополнений. Поэтому дифференцировать рассмотренные издания возможно с учетом основной тематики каждого из них и наиболее вероятной применимости в учебном процессе.

Произведения О.Н. Трубачёва содержат высокоинформативный материал по ряду неизменно актуальных лингвистических направлений: этимология, этнонимия, ономастика, историческая лексикология, языковая политика. Книги В.В. Колесова охватывают широкий тематический диапазон: от своеобразия фактов древнерусского словаря и объяснения лексико-семантических процессов прошлого –

¹⁵ Ср. разделенные десятилетиями суждения по поводу реформ применительно к условиям разных социально-политических систем: «Всемогущая власть здесь бессильна довести до конца и заранее задуманным способом даже маленькую реформочку <...>, если эта реформочка призвана повысить уровень организации общества, т.е. позитивна» (Зиновьев А.А. Зияющие высоты. М., 1990. Кн. 2. 316 с.) – и: «...Для удобства разграбления народного хозяйства в исполнительную систему специально вводится фактор неустойчивости, например, в виде ежегодных реформ» (Расторгуев С.П. Философия информационной войны. М., 2003. 496 с.).

до убедительно обоснованных обобщений относительно роли родного языка в формировании национальной ментальности. Б.Ю. Норман отдает заметное предпочтение неизбежным парадоксам в системе языка, снабжая свои наблюдения остроумными иллюстрациями. В книге Ю.М. Полякова (по образованию – учителя русской словесности) приводится немало верных суждений писателя об автоэтнонимах, избыточных лексических заимствованиях, нерешенных топонимических вопросах. К. Ильс и В. Янченко, подчеркивающие свой дилетантизм в области лингвистики, тем не менее обладают хорошим пониманием социальной роли языка, что позволяет им делать точные наблюдения по поводу речевых манипуляций. Что же касается остальных вышеупомянутых авторов, то их явно поверхностные сочинения, несмотря на столичность творцов¹⁶, сродни игривым опусам местечковых скетчистов; возможно, сегодня это верный путь к коммерческому успеху.

В заключение напомним чеканную фразу великого русского историка и педагога: «Преподавание – одно из средств воспитания» [Ключевский, 1990, с. 303]. Применение в учебном процессе достойных научно-популярных книг позволяет значительно усовершенствовать передачу и усвоение специальных знаний и привлечь должное внимание студентов к исторической роли русского языка как языка государствообразующего народа.

Библиографический список

1. Будагов Р.А. Три книги о культуре речи // Будагов Р.А. Человек и его язык. М., 1974. С. 176–187.
2. Васильев А.Д. Вариативные выражения универсальных оппозиций. Красноярск, 2020. Т. 1. 368 с.
3. Васильев А.Д. Игры в слова. Манипулятивные операции в текстах СМИ. СПб., 2013а. 660 с.
4. Васильев А.Д. Интертекстуальность: прецедентные феномены. М., 2013б. 342 с.
5. Васильев А.Д. Лингвокультурные процессы и возможности их прогнозирования. М., 2017. 264 с.
6. Васильев А.Д. Превращения слов. Современные лексико-семантические процессы. Красноярск, 2019. 316 с.
7. Васильев А.Д., Васильева С.П. Русский российский? Вопрос идентификации и самоидентификации // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2020. № 1 (51). С. 152–160.
8. Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления. М., 2003. 224 с.
9. Васильев А.Д. Слово в телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении. Красноярск, 2000. 166 с.
10. Васильев А.Д., Васильева С.П. Элементы социальной маркированности в российском официальном дискурсе // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2019. № 3 (49). С. 185–195.
11. Герд А.С. Язык как символ // ЯЛИК. 2009. № 79. С. 1–2.
12. Есин С.Н. На рубеже веков. Дневник ректора. М., 2002. 638 с.
13. Заседание Совета по русскому языку. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61986>

¹⁶Некоторые обыватели считают даже, что существует то ли характерная черта, то ли душевный недуг, объединяющий ряд научных деятелей, – «москвичизм».

14. Ильс К., Янченко Е. В начале слово. Заметки о наших удивительных словах. СПб., 2007. 230 с.
15. Ключевский В.О. Дневники и дневниковые записи // Ключевский В.О. Соч.: в 9 т. М., 1990. Т. 9. С. 267–362.
16. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». СПб., 1999. 368 с.
17. Колесов В.В. История русского языка в рассказах. СПб., 2007. 224 с.
18. Колесов В.В. Культура речи – культура поведения. Л., 1988. 271 с.
19. Колесов В.В. Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра. СПб., 1998. 248 с.
20. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб., 2004. 240 с.
21. Комлев Н.Г. Слово в речи. Денотативные аспекты. 2-е изд. М., 2003. 216 с.
22. Норман Б.Ю. Язык: знакомый незнакомец. Минск, 1987. 222 с.
23. Перечень поручений по итогам заседания Совета по русскому языку. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62918>
24. Поляков Ю.М. Быть русским в России. М., 2019. 496 с.
25. Поляков Ю.М. Порнократия. М., 2005. 443 с.
26. Прилепин З. Действительно не понимаю // Terra Tartarara. Это касается лично меня. М., 2009. С. 29–37.
27. Трубочёв О.Н. В поисках единства. М., 1992. 186 с.
28. Трубочёв О.Н. В поисках единства. 2-е изд., доп. М., 1997. 284 с.
29. Трубочёв О.Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. 3-е изд. М., 2005. 352 с.
30. Трубочёв О.Н. Заветное слово. Взгляд лексикографа на проблемы языкового единства славян. М., 2004. 224 с.
31. Фролов Н.К. Русская речевая культура как объект духовной экологии // Фролов Н.К. Избранные работы по языкознанию: в 2 т. Тюмень, 2005. Т. 1. С. 476–484.

Сведения об авторе

Васильев Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vasileva@kspu.ru

DOI: <https://DOI.ORG/10.25146/2587-7844-2021-16-4-90>

REVIEW OF POPULAR SCIENCE PUBLICATIONS FOR TEACHING LINGUISTIC DISCIPLINES

A.D. Vasilyev (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The most important place in the school curriculum should belong to the teaching of the Russian language. This is explained by its constitutionally fixed status, cultural and historical role, and the function of a means of interethnic communication, and the fact that Russian is a native language for the majority of the population of the Russian Federation. Account of objective realities focuses on the training of qualified subject teachers (and not the graduates who are almost helpless in linguo-didactic terms, excessively loaded with information of the psychological and pedagogical cycle).

There is no doubt that when teaching future Russian linguists at the university, officially approved textbooks and textbooks are used first of all, sometimes supplemented also by the results of teachers' own research. However, with the growth of the pedagogical baggage, it becomes clear that it is not enough to limit oneself to a circle of well-tested specialized literature, since changes are constantly taking place in the life of society and in the living speech and new phenomena are emerging. Having been unchecked earlier, they are often overlooked by some teachers, but may be well known to students. Such an imbalance is unacceptable.

The purpose of the article is to analyze the texts of popular science sources regarding the possibilities of using publications of this genre in the practice of teaching linguistic disciplines.

Research results. Popular scientific publications, especially those written by truly outstanding researchers, can become a significant help in teaching practice. This article discusses a number of popular science books devoted to the Russian language. When assessing their advantages or disadvantages (that is, the degree of usefulness of their application in the educational process), the author refers to his own scientific and pedagogical experience.

Conclusion. Highly informative material on a number of invariably relevant linguistic areas: etymology, ethnonymy, onomastics, historical lexicology, and language policy contains popular scientific works by O.N. Trubachev, V.V. Kolesov, B.Y. Norman, Y.M. Polyakov, and other authors.

Keywords: *Russian language, teaching, education, educational literature, improvement of teacher training, popular science publications.*

References

1. Budagov R.A. Three books on the culture of speech // Budagov R.A. Man and his language. M., 1974. P. 176–187.
2. Vasilyev A.D. Variable expressions of universal oppositions. Krasnoyarsk, 2020. Vol. 1. 368 p.
3. Vasilyev A.D. Word games. Manipulative operations in media texts. St. Petersburg, 2013a. 660 p.
4. Vasilyev A.D. Intertextuality: precedent phenomena. M., 2013b. 342 p.
5. Vasilyev A.D. Linguocultural processes and the possibilities of their prediction. M., 2017. 264 p.
6. Vasilyev A.D. Transformations of words. Modern lexical and semantic processes. Krasnoyarsk, 2019. 316 p.
7. Vasilyev A.D., Vasilyeva S.P. Russian Russian? The question of identification and self-identification // Bulletin of the KSPU named after V.P. Astafyev. 2020. No. 1 (51). P. 152–160.

8. Vasiliev A.D. The word in the Russian television. Essays on the latest word usage. M., 2003. 224 p.
9. Vasiliev A.D. The word on TV. Essays on the latest word usage in Russian television broadcasting. Krasnoyarsk, 2000. 166 p.
10. Vasiliev A.D., Vasilyeva S. P. Elements of social marking in the Russian official discourse // Bulletin of the KSPU named after V. P. Astafyev. 2019. No. 3 (49). P. 185–195.
11. Gerd A.S. Language as a symbol // SKIFF. 2009. No. 79. P. 1–2.
12. Esin S.N. At the turn of the century. Rector's diary. M., 2002. 638 p.
13. Meeting of the Russian Language Council. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61986>
14. Ils K., Yanchenko E. At the beginning of the word. Notes about our amazing words. St. Petersburg, 2007. 230 p.
15. Klyuchevsky V.O. Diaries and diary entries // Klyuchevsky V.O. Op. In 9 t. M., 1990. Vol. 9. P. 267–362.
16. Kolesov V.V. "Life comes from the word ...". St. Petersburg, 1999. 368 p.
17. Kolesov V.V. The history of the Russian language in stories. St. Petersburg, 2007. 224 p.
18. Kolesov V.V. Culture of speech – culture of behavior. L., 1988. 271 p.
19. Kolesov V.V. Russian speech. Yesterday. Today. Tomorrow. St. Petersburg, 1998. 248 p.
20. Kolesov V.V. Language and mentality. St. Petersburg, 2004. 240 p.
21. Komlev N.G. Word in speech. Denotative aspects. 2nd ed. M., 2003. 216 p.
22. Norman B.Y. Language: a familiar stranger. Mn., 1987. 222 p.
23. List of instructions following the meeting of the Russian Language Council. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62918>
24. Polyakov Yu.M. To be Russian in Russia. M., 2019. 496 p.
25. Polyakov Yu.M. Pornocracy. M., 2005. 443 p.
26. Prilepin Z. I really don't understand // Terra Tartarara. This concerns me personally. M., 2009. P. 29–37.
27. Trubachev O.N. In search of unity. M., 1992. 186 p.
28. Trubachev O.N. In search of unity. 2nd ed., supplement. M., 1997. 284 p.
29. Trubachev O.N. In search of unity. The philologist's view on the problem of the origins of Russia. 3rd ed. M., 2005. 352 p.
30. Trubachev O.N. Cherished word. Lexicographer's view on the problems of linguistic unity of the Slavs. M., 2004. 224 p.
31. Frolov N.K. Russian speech culture as an object of spiritual ecology // Frolov N.K. Selected works on linguistics. In 2 vols. Tyumen, 2005. Vol. 1. P. 476–484.

About the author

Vasilyev Alexander Dmitrievich – DSc (Philology), Professor, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: vasileva@kspu.ru